

● Алексей СУРКОВ: «Павел Боцу — в постоянном поиске, в стремлении понять и раскрыть в поэтическом образе то, что волнует его и современников».

● Стихи поэта, романтические по сути своей, отразили многомерный и противоречивый двадцатый век.

● «Пророки, песнопевцы и поэты. У века аритмия — это мы, Как гром небесный — аритмия лета. Как вспышка света — аритмия тьмы», п. боцу

Архипа Чиботару. Его трудно представить и без той поэтической молодежи, которая вступила в литературу в минувшее десятилетие. Убежден, что и Н. Дабижа, и Л. Лари были бы немного иными, не будь перед ними в молдавской поэзии философской метафоричности Павла Боцу.

Разве не ощутима мартиновская интонация в иронико-патетическом «Театре», где «актерам придется без масок работать и душу выдергивать с мясом. Как хлебом, делиться актерской душой с друзьями, с семьей, с дочуркой меньшей и с первенцем дерзким и мучаться с мужем. Сидеть над ребенком, что вдруг занедужил?»

И все-таки главное в поэте — его индивидуальность, его право на собственный голос. Иначе — зачем он? Тиражировать уже открытое и найденное? Искусству это противопоказано. Поэтическая индивидуальность — это новый ход, который выводит меня,

пу заметить, неудачи такого рода встречаются в книгах поэта). Но, с другой стороны, этот путь открывает перед поэзией как способом познания необозримые горизонты. В этом несомненное новаторство Боцу, продолжающего то, что было заложено в природе фольклорной образности его народа.

Вспроницаемость мира, открывшаяся метафоре молдавского поэта, конечно же, не была его выдумкой и личным его изобретением. В ней сказались потрясенность двадцатого столетия, дважды разодранного в первой своей половине мировыми войнами и уже четвертое десятилетие страстно борющегося за мирную жизнь. Вторая война, пришедшая на детство поэта, навеки высветила все ослепительной вспышкой, оставив неизгладимый след в его поэзии.

Гляжу на то, что было до войны, —
Лишь контуры неясные видны,

сти, но и к тому активному началу, которое превращает человека в созидателя, в творца. Вот почему невыносима для поэта мысль, что нет у него двусторонней связи с грядущим («Двусторонняя связь»), что не властен поэт оживить погибших за Родину и свободу («Дикий мак»).

Сына революционного двадцатого столетия, ненавидящего смерть и убийства, алчущего не плавность овалов, но резкость ломаных, не убаюкивающая размеренностью плавных ритмов, но нарушающие гармонию сбоя, синкопы. Спокойному ритму, гармонии и симметрии неживого мира противостоит в стихах П. Боцу аритмия жизни, та самая аритмия сердца, которая и создает духовную жизнь человека. — Поэзию:

В спокойной ритме
резким перебоем
Подчас строка
прервется у меня.
И наша встреча
вечером с тобой
Есть аритмия
будничного дня!
Гармония глупа, коль
ровный ритм бездушен,
Ритмичный мир
зануден и белес.
Тягучий полдень
молнией разрушен —
Гром аритмии
падает с небес.
Пророки, песнопевцы
и поэты,
У вена аритмия — это мы,
Как гром небесный —
аритмия лета.
Как вспышка света —
аритмия тьмы,
(Перевод В. СОЛОУХИНА)

И метафора ведет поэта к постижению всего сущего не только по лабиринтам мира, но помогая проникать и сквозь внешний, случайный облик предметов, объединяя, казалось бы, необъединимое, вскрывая родство всего, что есть в мире.

Николай Савостин, поэт наблюдательный и точный, справедливо заметил о Павле Боцу, что по типу своего ощущения он эпичен, потому что весь его интерес устремлен прежде всего к огромному миру, который вне его самого (не потому ли, к слову сказать, так мало у Боцу стихотворений сугубо личного плана, в которых отражаются факты личной биографии?). От этой эпичности и масштабности образов Боцу, их грандиозность. Но весь этот огромный мир поэт замыкает лически на себе, на человеке, вне которого, без которого теряют смысл цвет неба, восход и закат, шуршанье листьев и плоды на ветках: «Не будь человека — напрасны предметы, явления. И краски, и светлая радость лучей, и тысячи тысяч вещей...» (перевод Л. Ципахиной). Отсюда и сложный психологический рисунок таких стихотворений, как «Заплету мои косы» и «Березы на опушке», отсюда произвольность и субъективность ассоциативных цепочек, которые порой, что греха таить, и рвутся в силу этой субъективности и прихотливости.

В стихотворении «Родное слово» (переводчики перевели его и как «отчее», и как «материнское») поэт говорил, что спускается в глубины слова, как в шахту: В стихотворении «Живая вода» снова возникает образ глубинных пластов. Глубина необходима: она, как экран, защищает смысл от поверхностного, неточного, случайного, требует работы, той трудоемкой, изматывающей работы рудокопа, которая делает поэзию нравственной, спасая ее от развращающей легкости игривых рифм и необязательных образов.

Сквозь камни,
сквозь корни,
Как время сквозит кольца
Спиральной закатов,
и песен, и снов,
Пройдешь, просочишься,
звонит беспокойство
В глубины надежд
и несказанных слов.
(Перевод Р. ОЛЬШЕВСКОГО)

Однако путешествия в глубины дает лишь исходный материал — руду. Для выплавки металла необходимы мартенные таланты, обогащение той культуры, которая единственно и превращает рудное железо в звенящую сталь. И поэзия П. Боцу несет в себе отпечаток этой культуры. Вот почему, даже воспользовавшись сюжетом народной легенды, поэт видит свою задачу не в том, чтобы пересказать, изложить придуманное народом, но в том, чтобы на этой основе возвести свою постройку — продолжение того, что некогда было начато таким же, как он, крестьянским сыном, только оставшимся неизвестным. Именно эта народная основа поэзии Боцу делает всеобщей ее субъективность.

Романтическая по сути своей, лирика П. Боцу отразила многомерный и противоречивый двадцатый век. Думается, не случайно возникают то и дело переключки между стихами молдавского поэта и стихами русского А. Вознесенского, аварца Р. Гамзатова, казаха О. Сулейменова, литовца Э. Мележайтиса. Что это, как не сотворчество современников, каждый из которых по-своему ощутил и воспроизвел наш тревожный век, когда человечество все больше осознает свое прошлое и свое будущее, пытаясь осуществить их в настоящем?

Ал. ГОРЛОВСКИЙ

КАК ХЛЕБОМ, ДЕЛИТЬСЯ

ЮРИЙ ОЛЕША однажды написал, что, открыв на старости лавку метафор, он разорился: «Я был убежден, что я разбогатею... Однако покупатели не покупали дорогих; главным образом покупались метафоры «бледный, как смерть» или «томительно шло время», а такие образы, как «стройная, как тополь», прямо-таки расхватывались. Но это был дешевый товар, и я даже не сводил концов с концами».

Если верить Олеше, Павел Боцу должен был разориться с самого начала. Судите сами: дом у него подобен человеку — раскинул руки-стропила, такси «прошуршало с фиалкой в петлице», соска во рту младенца — «как знак восклицания», «неба выпуклое око» взирает на скалы, как на «ночи-великаны». Кажется, все на выворот, наоборот. Мы привыкли, что в основе метафоры лежит какое-то внешнее сходство. Но кто видел зеленые фиалки? И откуда взялось у неба выпуклое око?

Если попытаться воссоздать мир по стихам П. Боцу, картина получится совершенно фантастическая: окажется, что лучи солнца — это его птенцы, прилетающие на рассвете, а рассвет — веточка надежды... В этом мире линии невыпуклых кувшинов скользят под пальцами гончаров, как гадюки, зато обожженная глина звучит, подобно скрипке Страдивари, самой вечностью.

Метафора-гипербола, метафора-эллипс, метафора-касательная, метафора — ветвящееся дерево... Нет, положительно, поэт должен был разориться: кому по карману такой товар? Кому понятен? Но Боцу не разорился. И дело тут не только в читателе, который, конечно же, вырос и которому вполне доступны самые сложные метафоры. Дело в самом поэте.

Безнадежное дело — попытаться «ухватить» автора через темы его стихов: в лучшем случае ухватишь нечто общее для всей поэзии. В самом деле, что скажут о поэте восторженные тирады критиков, наподобие: «Страницы его сборников — это откровения, раскрывающие самые тайные уголки человеческой души» или «П. Боцу добивается конкретного воплощения своей воинствующей поэзии, разрабатывая высокие мажорные темы...»? И неужели можно поверить, что индивидуальной художественной доминантой П. Боцу... является высокая гражданственность, внутренняя душевная теплота и искренность поэтического голоса, обращенность поэта к современности, влюбленность в землю, жажда постижения диалектики жизни и души советского человека? Если это индивидуальные черты одного лишь Боцу, какова же тогда остальная поэзия?

Конечно, поэта не понять вне той поэзии, которая питает и окружает его собственную. И Павел Боцу немалым не только вне контекста своих молдавских предшественников, таких, как Андрей Лупан и Эмилиян Буков, или вне опыта своих сверстников и товарищей — Ливииу Дамиана и

читателя, пускай к старым, известным истинам, но так, что они предстают мне по-новому и волнуют, словно бы я их увидел впервые.

«Я хочу рассказать об одном небывалом событии», — начинает поэт одно из своих стихотворений, и события действительно предстает необычайное и невероятное. Со времен А. Шамиссо человеческая тень приобрела в литературе преимущественно негативный характер. Такой и предстает она поначалу в стихотворении П. Боцу: лижет ноги, пресмыкается змеей, то злобно-вкрадчивая, то сонно-тихая. Но еще ни одному из поэтов не приходило в голову устроить грандиозное автодафе для собственной тени. П. Боцу — устраивает:

Это редкое зрелище стоило
беглого взгляда:
Пламя било фонтаном
без дыма и чада.
Солнце ярко светило,
огонь мне казался
прозрачным.
Тень сгорала, как птица,
в гнездовье суровом
и мрачном.
(Перевод А. БРОДСКОГО)

И в самом деле, редкое зрелище! Как может гореть плотное и неощутимое? Но метафора Боцу строится вовсе не на основе зримого сходства предметов и явлений, хотя поэт и не прочь обыграть это сходство (огонь, прозрачный при свете солнца). Его метафора строится по законам скрытого смысла, по законам не логики, но логоса. Вот почему в одном и том же стихотворении слово может оказаться и шахтой, и глубины которой поэт спускается, и сторожевой башней, на которую надо подняться, путеводной нитью Ариадны и синим Гольфстримом, глубоким фиордом и сотами, солнцем и молодостью, и — что самое удивительное — читатель не почувствует в этой множественности сравнений противоречия, потому что каждая из таких ассоциаций соответствует внутренней мелодике стиха.

Конечно, такой путь метафоры чреват утратой образительности — той самой конкретности, которая всегда лежит в основе художественной выразительности (и, сло-

Там что-то слышится
и шевелится:
Там чьи-то голоса
и чьи-то лица.
Там есть стихами
вытнанные сказки,
О ненависти что-то
и о ласке.
И вдруг все стало ясно:
грянул гром,
И небо в землю
врезалось крылом...
(Перевод Д. САМОИЛОВА)

Мир, озаренный молнией, небо, врезавшееся в землю, как сбитый Икар, — это не оставляет места для благостности, в резком и холодном сверкании молнии сгинула идилличность. Может быть, поэтому в стихах П. Боцу так мало молдавской орнаментальности — всех тех примет «национальной экзотики», которыми, что скрывать, нередко грешат если не поэты, так переводчики. Виноградники, резной лист, журавли с гроздьями в клюве над традиционными колодцами, синее небо и каша маре — все это было перечеркнуто поманной линией разверзшегося неба.

Есть у Боцу стихотворение, которое любитель тематических рубрик, пожалуй, мог бы отнести к стихам о строительстве (тема и в самом деле «имеющая место»), — «Первый слой». Валяются в каменном карьере обломки ни на что не годных камней: «Им больше всех на долю перепало в дожди и в сушь, в жару и в холода», «по ним катились тяжкие колеса, топтали их железные шаги». И поэту становятся ясны «глухой судьбы изломные»; сохранившие собой глубинные слои, эти камни обречены быть отходами. Время отразилось в самой поэтике метафоры: обломки, не пригодные ни для фундамента, ни для очага, ни для стены, — великая трагедия поколений, чья судьба пришла на переломную эпоху.

Именно кровавая причастность к судьбам родной земли, ее радостям и бедам делает Боцу поэтом. «Пронзи меня, чистое чувство печали», — восклицает он в стихотворении, открывающем его книгу избранных стихов. «Пронзи меня, дух беспокойства и странствий». И это звучит обращением не только к поэтизирующей сове-

